

«Постом человек должен больше думать о Боге, меньше о еде. Значит, и еда должна быть такой, чтобы за ней не надо было ухаживать, как за капризной и недоступной девицей. Купил. Приготовил. Поел. Работаем. И пища не должна губить волю к жизни. Кто видел постную манную кашу, тот понял, о чем я говорю». **Архимандрит Савва (Мажуко) в очередном письме читателям «Правмира» рассказывает, как в молодости отлучил селедку от Церкви и что с тех пор понял.**

Фото: Dimitris Vlaikos

- [Постное письмо № 15. Заложники совести](#)
- [Постное письмо № 12. Белые субботы](#)
- [Постное письмо № 11. Жало в плоть](#)

Архимандрит Савва (Мажуко)

У бабушки Кати каждый пост предварялся торжественным ритуалом закупки селедок. Были такие толстенные селедки в металлических банках. Вкусне-е-нные! Селедки на пост. Строго держалась первая, крестопклонная и Страстная, в остальные дни – как получится. Так бабушку Катю воспитали родители, которых она схоронила еще до революции. А потом пришли «комсомольцы» и начали бабушку перевоспитывать. «Комсомольцы» – это не молодежь тридцатых. Таким именем окрестили нас, пришедших в Церковь в девяностые. Нас было много. Точнее, нас было больше, и мы всё схватывали на лету. Поэтому не удивительно, что очень быстро «комсомольцы» взялись за перевоспитание старых прихожан и священников.

Мы жадно читали книги и уставы и доказывали бабушкам и старым батюшкам, что так служить нельзя, вы же тут сокращаете, нельзя петь эти ваши партесы – это не православное, нельзя допускать до причастия этих людей – они не были на вечерне.

Больше всего доставалось селедкам. Их отлучили от Церкви первыми. Какая рыба Великим постом!

Не у всех прошел этот «комсомольский» задор. Однако повзрослели многие. Повзрослели и поняли, как важно было приобщиться к настоящей церковной культуре, брать уроки у старых священников, присмотреться к тем дедушкам и бабушкам, которых мы так рьяно взялись обличать.

Это были люди церковной культуры. В их среде было неприлично говорить о постных продуктах или о том, как кто держит пост. Это было дурным тоном. Представляю, сколько пошлости они бы увидели в этикетке «Постный майонез» и в наших спорах, есть ли в шоколадке молоко, а в батоне маргарин. Они не читали исторических источников и богословских трактатов, но как-то интуитивно понимали унижительность этого гастрономического богословия.

Правила мирянского поста не существует. Нет устава поста для мирян. Есть обычай. По этому обычаю и жили люди церковной культуры. Им хватало. Как жили до них христиане в разных странах, в разных эпохах, держась своих местных обычаев.

Не люблю длинные цитаты, но одну все-таки себе позволю. Очень важный текст. Его автор, Сократ Схоластик, жил в пятом веке. Он написал «Церковную историю», в

которую включил очерк о том, как держали Великий пост в его время. Читайте внимательно:

«Ни одно вероисповедание не держится одних и тех же обычаев, хотя имеет одно и то же понятие о Боге. В отношении к обычаям даже и единовѣрные разногласят между собою. Посему не неуместно здесь кратко предложить нечто о разности обычаев в разных Церквах.

С самого первого взгляда легко заметить, что посты перед Пасхой в разных местах соблюдаются различно. Именно, в Риме пред Пасхой постятся непрерывно три недели, кроме субботы и дня Господня. А в Иллирии, во всей Греции и Александрии держат пост шесть недель до Пасхи и называют его четырьдесятницей. Другие же начинают поститься за семь недель до праздника и, хотя исключая промежутки, постятся только три пятидневия, однако свой пост называют также четырьдесятницей.

Удивительно для меня, что те и другие, разноглася между собой в числе постных дней, называют пост одинаково – сорокадневным, и представляют особые свои основания для объяснения его наименования. Притом видно, что разногласие их касается не только числа постных дней, но и понятия о воздержании от яств; потому что одни воздерживаются от употребления в пищу всякого рода животных, другие из всех одушевленных употребляют только рыбу, а некоторые вместе с рыбой едят и птиц, говоря, что птицы, по сказанию Моисея, произошли также из воды. Одни воздерживаются даже от плодов и яиц, другие питаются только сухим хлебом, некоторые и того не принимают, а иные, постясь до девятого часа, вкушают потом всякую пищу.

Таким образом, у разных племен бывает различно, и представляются на то бесчисленные причины. И так как никто не может указать на письменное касательно сего повеление, то явно, что Апостолы предоставили все это воле и выбору каждого, чтобы всякий делал доброе не по страху и принуждению».

Чем важен для нас этот текст? Во-первых, это один из немногих памятников, который описывает традиции благочестия мирян. Большая часть уставных положений, которые у нас есть, – это монашеские уставы. Собственно, и наш современный Типикон – это устав мужского монастыря.

Но Русская Православная Церковь – это не мужской монастырь. У нас даже монахинь больше, чем монахов.

Поэтому мы не можем требовать от всех православных людей исполнения правил абстрактного типиконного монастыря.

Богу нет дела до того, что мы едим. Если это, конечно, не кровь младенцев и не мясо панды.

Воздерживаемся от пищи мы для себя, для собственной пользы, для духовного

упражнения. Поэтому и старец Павел (Груздев) своим чадам часто повторял: «За еду никто не бывает в аду».

Пост, его структура, динамика, качество или перечень продуктов не являются предметом догматики, то есть вероучения. Это вопрос, связанный, например, с географией, этнографией, историей и традицией этого конкретного общества, живущего в конкретном месте и в конкретном времени. То, что является самоочевидным и приемлемым для грека, выросшего на берегу теплого моря, не подходит для жителя Крайнего Севера, с детства скучающего по солнцу и теплу. Если мы мыслим свою веру как вселенскую, то есть готовую быть принятой всем человечеством во всем многообразии его культур, рас, народов, языков и обычаев, нам следует формулировать догматы и каноны своей веры также вселенски приемлемо. У нас получается всё наоборот: мы мыслим свою веру очень мелко, как мировоззрение маргиналов, которое по своим размерам не подходит всему человечеству.

Рассказывают, что академик Курчатов в новом институте никак не давал прокладывать пешеходные дорожки. Он выжидал и наблюдал.

– Пусть люди сами протопчут, а мы потом выложим эти дорожки плитами.

К традициям следует относиться бережно и осторожно. Но нередко я видел, как люди прокладывают свои тропки, а выложенные начальством тротуары зарастают травой. Пост для человека, а не человек для поста. В определении постных уставов следует трезво и реально смотреть на вещи, не выдумывая себя и прихожан, а внимательно присматриваясь к тем, кто рядом.

А буквоеды пусть едят постом буквы.